

требует» (I, 141; курсив мой, — Л. Л.). Есть еще и другой предел, перед которым душевные страдания героя теряют свой самоудовлетворяющий характер: это физическое небытие, смерть.

В горестном расположении духа герой приходит на кладбище, «где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний». «... я сел на надгробном камне, вынул свой запасной обед и ел с совершенным души спокойствием; — приучим заранее зрение наше к тленности и разрушению, воззрим на смерть, — нечаянный хлад объемлет мои члены, взоры тупеют. — Се конец страданию, — готов...» (I, 142).

Но тут же все естество человека в едином порыве и чувства. и мысли взрывается страстным протестом: «... мне умирать? Мне, когда тысячи побуждений существуют, чтобы желать жизни! <...> Нет, обманчивое чувство, ты лжешь, я жить хочу, я счастлив» (I, 142). Как бы ни были мучительны душевные переживания героя, перед лицом смерти они — благо, как благо сам дар жизни — способность чувствовать и мыслить. Так художественная проблематика «Дневника» при всей ее внешней камерности выходит на уровень серьезных философских обобщений, неизбежно подводит к постановке философско-гносеологических вопросов о сущности взаимодействия человеческого бытия и сознания. И хотя Радищев очень далек от решительного, механистического тезиса Гельвеция: «Человек есть машина»,²⁰ в основах понимания природы человека здесь он близок к французским материалистам.²¹

Проблема жизни и смерти волнует Радищева не в отвлеченно-философском плане, но прежде всего как некоторое противоречие между хорошо усвоенной им материалистической, сенсуалистской концепцией человека и сложностью его субъективного, индивидуального мироощущения. Радищевский герой, поглощенный своими душевными переживаниями, лишь на секунду прикасается к «загадке бытия». Но уже в «Житии Федора Васильевича Ушакова» эта тема получает новое преломление. Врач извещает Ушакова о скорой смерти, и он мужественно ждет своего часа: «Умереть нам должно; днем ранее или днем позже, какая соразмерность с вечностью!» (I, 183). Но, вспоминая о физических страданиях друга, Радищев приходит к мысли, что, как бы ни был силен духом человек, его жизнь может стать «несносной», мучительной и «ее возненавидевшему» смерть станет избавлением. Трагедия бытия включает в себя уже как бы два аспекта: непостижимость физического уничтожения человека: «Он был и

²⁰ Гельвеций К. А. О человеке, с. 103.

²¹ Подробное сопоставление «Дневника одной недели» с соответствующими разделами книги Гельвеция «О человеке» могло бы, вероятно, дать дополнительные соображения и относительно датировки «Дневника». Книга, вышедшая в 1773 г., могла произвести на Радищева весьма сильное впечатление.